

Протоиерей Алексей Лисняк

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва, 2021

УДК 821.161.1-312.2Лисняк

ББК 84(2=411.2)6-44

Л63

Допущено к распространению

Издательским советом

Русской Православной Церкви

ИС Р21-022-0585

Лисняк, Алексей Александрович, протоиерей.

Л63 Навстречу солнцу : повесть и рассказы / А. А. Лисняк, прот. — Москва : Вольный Странник, 2020. — 208 с. : ил.

ISBN 978-5-00178-065-6

Эта книга включает в себя яркую, динамичную повесть протоиерея Алексия Лисняка, написанную в 2014 году, которая непостижимым образом вобрала в себя всю новейшую историю России с её падениями и взлётами. Маленькая повесть о жизни маленького городка буквально «проглатывается» на одном дыхании и оставляет большое светлое чувство, которое можно выразить ёмкой фразой: «Будем жить!»

Ранние рассказы автора, включённые в этот сборник, не менее живописны, чем повесть, по-доброму смешны и грустны, и в них так же красочно отобразилась новейшая история нашей становящейся на ноги страны и её граждан на рубеже XX-XXI веков.

УДК 821.161.1-312.2Лисняк

ББК 84(2=411.2)6-44

© Лисняк А. А., прот., 2021

© Оформление

ООО «Вольный Странник», 2021

ISBN 978-5-00178-065-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные писатели часто обращаются к осмыслению событий, происшедших в России в девяностые годы. Пелевин, Корецкий, Поляков, Шаргунов и многие другие писали о том, что происходило с горожанами, что творилось на главных площадях государства. А вот как пережили революционные события девяностых годов люди, далёкие от столиц, — жители глухой провинции, среди которых маленькие руководители районного уровня, церковный настоятель, простые прихожане, обитатели детского дома, скитающиеся маргиналы, церковные певчие и многие-многие другие — обычные

глубинные провинциалы? Именно их глазами предлагает взглянуть на события новейшей российской истории протоиерей Алексей Лисняк в своей повести «Город Выдрин и все, кто с ним связан». Впервые эта повесть была напечатана в 2015 году в журнале «Москва» и представлялась на международном Славянском форуме «Золотой витязь», где вошла в короткий список претендентов на главный приз форума. В этом небольшом произведении автор касается событий новейшей истории, которая начинается в девяностые годы и продолжается до наших дней. Как провинция связана с выборами президента? Как провинциалы видят современные украинские события? Как эти события касаются самого обычного крохотного церковного прихода? Как ведут себя далёкие от столичных потрясений люди в трудных революционных ситуациях? Что они между собой делят? И, наконец, в чём эти люди видят спасение и на что надеются? Обо всём этом протоиерей Алексей Лисняк рассуждает в своём творчестве. Вернее,

автор, как всегда, ни о чём не рассуждает. Он просто ведёт тихое красочное повествование, а обо всём говорят сами герои его произведений и их поступки. Прочитывается повесть буквально на одном дыхании.

Критики часто сходятся во мнении, что язык отца Алексея Лисняка близок к языку, на котором пишется классическая литература. Некоторые сравнивают его произведения с произведениями писателей-деревенщиков, некоторые слышат в них гоголевские нотки или же отголоски творчества Ильфа и Петрова. В любом случае самый взыскательный читатель будет удовлетворён образностью и насыщенностью авторского повествования, богатством языка и глубиной собственного читательского соучастия. Герои произведений, от повести до рассказов, ощущаются реальными и живут на страницах книг Лисняка своей собственной жизнью, указывая читателям не на проблемы, нет, а на то, как нужно относиться к жизни, чтобы проблем становилось меньше.

Прозу Лисняка трудно отнести к такому феномену, как проза священников. Скорее всего, его книги могут быть отнесены к такому явлению, как русская литература.

Юлия Мьялкина
«Правчение»

Город Выдрин
и все, кто с ним связан
повесть

Глава первая

НЕНУЖНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Среди бескрайних цветущих лугов и тучнеющих хлебных полей пригрелся под солнцем крохотный захолустный городок Выдрин. Три столетия дремлет он на берегу тихой серо-зелёной реки и видит прекрасные сказочные сны.

Бывали времена, когда географы обходили городок вниманием при составлении своих карт: мал, дескать, Выдрин, от дороги далеко, да и кому он вообще нужен. В брежневском атласе, например, его нет. Но повсюду дышит прогресс, и нынче с какого-нибудь глазастого спутника можно запросто разглядеть это мирное поселение — все его одноэтажные улочки, выстроенные в незапамятные времена уездными лабазниками. Вот эти улочки полого спускаются к прогнившей лодочной пристани. Вот в городских палисадниках уснули

акации. Вот на лавках почивают коты. Из распахнутого окошка засмотрелась в мир любопытная герань. В каком-то закоулке — почерневший дощатый забор. Он весь заплёлся хмелем и вечерами наводит тень на заросли лопуха. Белая коза, что пасётся себе под водонапорной башней, всякую погожую пору уныло наблюдает живописный закат.

Воскресными днями гулкий благовест древнего городского собора так же, как всегда, пробуждает ленивых цепных собак. Ворчливый пенсионер, услышав церковный звон, зевает в своём домике над оврагом, вздыхает: «Ага, ещё недельку прожили, чтоб её в печень», — и переворачивается на другой бок.

На подъезде к городку на путника непременно нападает зевота. Воздух ли здесь такой или, может, солнце светит по-особому?

Не так давно, было дело, навевывался областной краевед. Он нашёл себе провожатого, побродил вдоль реки, подышал, пофотографировал. Послушал лягушек, ожёгся крапивой. Тщетно толкнулся в закрытую с советских времён чайную. В переулке против автостанции его — трезвого и уставшего — укусил угрюмый шершень. А потом в своей брошюрке «Города и веси нашего края» в главе «Достопримечательности» этот чудаки написал, что достопримечательностей в Выдрине нет.

В чём в чём, но в этом я с ним совершенно не согласен! Есть, есть и тут на что посмотреть! Нужно только хорошенько взглядеться.

Но обо всём по порядку.

Теперь напротив собора — главный в городе магазин «Денежка». В двадцатом веке в этом здании размещался городской оперный театр. Кажется, что большей нелепости, чем Выдринский оперный театр, выдумать невозможно, однако горожане в те времена

гордились своим театром, хвастались, мол, есть у нас эдакое, чего у других нет. Хотя едва ли находился среди них такой, кто добровольно проходил внутрь театра дальше буфета. Как это уникальное явление существовало? Очень просто. В те советские времена ведь об этом не думалось. Существует и существует себе, значит, так надо. Впрочем, самые дошлые говорили, что вся эта оперная жизнь держится в городке только лишь на энтузиазме одного-единственного одержимого музыкой человека. Будто бы он — этот приезжий человек, что театром руководил, — по своему почину где-то вербовал музыкантов и певцов, сам ими дирижировал, сам организовывал культпоходы в свой театр местных пионеров и окрестных колхозников. И, главное, сам доказывал в райкоме, что театр — дело нужное.

Этот выдающийся человек здравствует в городке и теперь. Зовут его Аркадий Беркович. Справа от собора, возле одноэтажного здания бывшего райисполкома, на стенде «Ими гордится город» по сию пору висит

его выгоревший за четверть века портрет. Там Аркаша не похож на себя теперешнего — с портрета соколиным взором сияет кучерявый брюнет, а вовсе не старый, сутулый, плешивый еврей, каковым он сделался в нынешнюю пору. Говорят, что и подпись внизу фотографии частично сохранилась:

Заслужен..й ..ртист РСФС.. Б... ич

Как-то совсем недавно дрейфовали, пошатываясь, возле этого ржавого стенда два залётных заросших бородами маргинала. Один поводит пьяным пальцем под фотографией Аркаши, что-то помычал и сообщил своему оборванному приятелю:

— Вот смотрите, э-э... этот вот мужчина, так сказать, — заслуженный бич. А вы утверждали, что...

Его спутник не поверил и присмотрелся к ущербной подписи:

— Нн... да... Ну, коллега, выходит, нам с вами, так сказать, есть к чему стремиться. Хе-хе!

И странствующие граждане Вселенной покинули городок, меланхолично улыбаясь, довольные тем, что где-то на планете

всё-таки проживает и здравствует заслуженный бич РСФСР.

Каким распределяющим ветром занесло брюнета Аркашу в центральное российское захолустье, теперь уже никто не вспомнит...

Когда подули новые ветры, которые переместили Аркашиных соплеменников в жаркие Давидовы края, Беркович уехать не отважился. Он это объяснял просто: не хватило духу. А может, он влюбился в провинциальный Выдрин, но скрывал это? Такое ведь тоже возможно. Но, скорее всего, и это больше похоже на правду, соплеменники от него постепенно отвернулись. Была причина. До неё тоже доберёмся.

К концу двадцатого века в городок проникли независимость, разруха и безденежье. Когда исчезли невольные театралы — пионеры и когда не стало руководящей партии, которая по просьбе Аркадия записывала колхозников в меломаны, провинциальному руководителю оперного театра стало ясно, что классическая музыка и хозрасчёт, что твои гусь и свинья, — не

товарищи. Он было сунулся за поддержкой к новым властям, но те сослались, опять же, на хозрасчёт. Мол, ставь то, на что будут ходить. Советовали:

— Держи нос по ветру. Коли не идут на этого твоего «Князя Игоря», тогда напиши и поставь порнографическую версию. Точно придут. Представляешь, тут голые по сцене скачут, там голые! Тут — солист без штанов, гы-ы! Или пусть твой князь Игорь с бабами развлекается. Успех, аншлаг, новаторство! Мы о тебе в газету сообщим, рекламу тебе устроим!.. И на телевидение, опять же. Тебе — слава, нам — почёт, в кассу денежка течёт...

Аркаша советом пренебрёг, театр вскоре обнищал, и власти его у Аркадия отобрали.

«С деньгами не так хорошо, как без денег плохо» — это всем известно, не только евреям. С горя Аркадий подумал играть в переходе на контрабасе, да на беду не было тогда в Выдрине переходов, даже наземных. Впрочем, и теперь их нет. Попытался наняться дирижёром в похоронный оркестрик, а там

командиры без надобности. Он не отчаялся и сунулся в единственный местный ресторан — думал подрядиться баянистом, играть на свадьбах. Его с радостью взяли. Разрешили даже не делиться гонораром. Вот только ближайшая свадьба намечалась в городке аж после Нового года.

Прошло совсем немного времени, и к середине девяностых Аркадию не на что стало даже запить. «Бог таки защищает бедняков, по крайней мере, от дорогостоящего греха».

* * *

Как-то вечером он бродил вокруг бывшего «своего» городского оперного театра. Самосвалы сгружали перед крыльцом щебень, фасад почти уже весь скрылся под пластиковыми панелями. Подле, на афишной тумбе, красовалась новая афишка новых хозяев:

**Открытие магазина «Денежка»
запланировано на воскресенье**

Стало быть — на завтра. Беркович плюнул и от досады забрёл в собор...

Вот тут-то заслуженному музыканту и стало по-настоящему тошно — забылись и безработица, и отчаяние: три старухи, что голосили с хоров, наполняли величественный новозаветный храм невообразимой какофонией. Пренебрегая элементарными правилами сольфеджио, не ведая интервалов, престарелое трио самозабвенно издевалось над простейшим музыкальным произведением. Все динамические оттенки певицам заменил один-разъединственный — форте-фортиссимо. И оно, это фортиссимо, казалось, сверлит стены. Аркадий увидел — удивился, — как старцы, изображённые на колоннах, ещё больше ссутулились, серафимы на фресках скукожились-зажмурились, показалось, зашторились крыльями. Бабушки надрывно голосили, а в какой-то момент взвыли так, что кислота хлынула Аркаше в оба уха, ожгла череп. Беркович стиснул свои золотые зубы, до боли зажмурился. Хотел развернуться к выходу, а ноги свела судорога. Он сдавил уши ладонями так, что хрустнули плечевые суставы. Адреналин хлынул в кровь,

и музыкант подумал о том, долго ли способно его сорокалетнее одарённое сердце выносить такую трёпку. Но певчие вдруг смолкли, и чтец дробно затараторил непонятное. Аркаша оглядел прихожан. Те — ничего. Стоят, крестятся, вздыхают. Музыкант отёр со лба испарину, удивился своим трясущимся рукам. Собрался было выйти, но с хоров вероломно хлынула кислота и парализовала.

— Боже! Опять!

Аркаша зажмурился до синих пятнышек. Ему вдруг почудился скрип сотни деревянных телег, трение пенопласта о поролон, елозание железной щётки по стеклу. О, эта сила музыки! ...И припомнилась бормашина его мамы Розы Альбертовны. Живо всплыло воспоминание, как в детстве в её кабинете он опрокинул стерилизатор с инструментами, и шпатели, зонды, кюреты, пинцеты, боры, тонюсенько звеня, рассыпались по кафельному полу — этот омерзительно-кислый высокий аккорд долго звенел в ушах. И звенела голова от мамино подзатыльника. Маленький Аркаша

на смерть запомнил тот светло-сиреневый холодный металлический стерильный зубо-врачебный аккорд, пахнувший кварцевой лампой. Вечером он подобрал его дома на пианино. В окна их конотопской квартиры глядел молодой цветущий каштан. Когда зазвучал Аркашин инструмент, каштан постарел, присел, повял, силился отвернуться, зажмуриться. А мальчик всё давил и давил на клавиши! Зубосверлильные звуки летели за окно и сводили скулы прохожим. Маме показалось, что Аркаша бесконечно роняет дома её инструменты, она примчалась со двора... А немного погодя во дворе мама хвасталась тётё Циле, какой таки абсолютный у её Аркаши слух.

...Аркадий очнулся, открыл глаза и обнаружил себя сидящим на скамье. Чтец уже оттараторил своё, и толстый священник с амвона отпустил прихожан по домам. Беркович не спешил в своё холостяцкое жилище и дождался священника:

— Товарищ... или как бы священник... э... господин...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Город Выдрин и все, кто с ним связан

Повесть

Глава первая. Ненужный деятель	9
Глава вторая. Вера, Надежда, Любовь	23
Глава третья. По Золотому кольцу	30
Глава четвёртая. Премьера	39
Глава пятая. Под старым каштаном	45
Глава шестая. Любовь терпит крах.	51
Глава седьмая. Божья помощь	59
Глава восьмая. Разжалованы	68
Глава девятая. Краеведческая экспедиция. . .	77
Глава десятая. Любовь в кабинете	83
Глава одиннадцатая. Земля обетованная. Мёд и млеко	92

Рассказы

Атеист	105
Жертва	110
Аргументы и факты	120
Дерево, не приносящее плода	124
Песня про гробы	132
Пельмень	137
Словно блаженная Ксения	143
На всю жизнь	152
Выдумка	159
Бананы на берёзе	165
Настойка и грёзы	172
Вася Всемогущий	181
Венгерская кожа	188
Ощущение корней	194
Короткая сирень	201